

Юрий Павлович Вылегжанин родился в 1947 году в Читинской области. Окончил исторический факультет Воронежского государственного университета. После окончания ВГУ работал в вузе и школах. Кандидат исторических наук. Автор нескольких сборников поэзии и прозы. Редактирует литературный альманах «Витюг». Живет в городе Боброве Воронежской области.

Юрий Вылегжанин

ЯКУТ

Рассказ

1

Пополнение в полк майора Бородинна пришло рано утром. Человек семьдесят. Люди всю ночь шли пешком по очень плохой дороге и сильно устали. Поэтому Бородин приказал их накормить, дать им отдохнуть полтора часа и только после этого вышел поговорить и посмотреть на пополнение, так сказать, с близкого расстояния.

Опытный вояка, тянувший фронттовую лямку с самого июня сорок первого, майор только мельком взглянув на неровную шеренгу сразу понял, что этот народ пороку не нюхал вовсе, что большая часть — мальчишки, и возни с ними будет немало. Однако, как поднаторевший в общении человек, майор держался бодро-весело, рассыпал шуточки, старался, чтобы люди с первого дня фронта не напугались страшно, до ужаса, а приняли реальность той, какая она есть: здесь очень опасно, но жить можно, если, конечно, иметь голову на плечах.

Однако внутри, в душе, майор всерьез загрустил. Опять прислали необстрелянных, неопытных, прислали еще только материал, из которого в полку будут делать бойцов. Если этим людям удастся подзадержаться на этом свете.

И он спросил громко, стараясь не показать в голосе безнадёжности:

— Из вас кто-нибудь стрелять толком умеет?

Строй какое-то время молчал и был неподвижен. Но вдруг на левом фланге люди задвигались и пропустили вперед маленького человека в великоватой шинели. Как и положено, он вышел на три шага вперед. Майор тоже сделал несколько шагов ему навстречу. Встал и молча уставился на скуластое безбровое лицо с узкими глазами.

— Я умею! — сказал новобранец довольно громко.

— Что умеешь? — спросил майор.

— Стрелять, говорю, умею!

— Фамилия?

— Обухов.

— Зовут как?

— Иваном, товарищ майор.

Майор был слегка озадачен.

— Ты же нерусский?

— Нерусский.

— А почему имя русское и фамилия?

— Потому что крещёный. Православный.

— Монгол, что ли?

— Зачем монгол, товарищ майор? Якут я.

— Первый раз вижу якута на фронте. Вас ведь не берут? Я слышал, у северных народов броня на этот счет имеется. Так?

— Так. Не берут тех, кто в тундре живет: хантов, манси, ненцев. Их мало. Боятся, что от войны их будет еще меньше. Вот и не берут. А я лесной якут. Охотник. На войну пошел сам, без призыва.

— Доброволец, значит?

— Доброволец.

— И стрелять умеешь?

— Умею!

— Давай поглядим... Дайте ему винтовку! Знакомое оружие?

— Почему нет? Знакомое. У нас карабины почти такие.

— Оружие заряжено?

Якут оттянул затвор, посмотрел.

— Заряжено.

Майор огляделся и поднял с земли жестянку из-под американской плавленной колбасы.

— Смотри! Бросаю! Попадешь с одного выстрела — честь тебе и хвала. Ну!

С этими словами майор с силой подбросил банку вверх. Стоявший до этого как-то лениво и неуклюже переминаясь с ноги на ногу, якут вдруг мгновенно преобразился, проворно вскинул винтовку и выстрелил.

Немедленно банку принесли майору. В донышке (!) банки зияло пулевое отверстие.

Майор своей радости не скрыл:

— Вот это да! Вот это выстрел! — и, помолчав немного, сказал:

— Стрелять ты умеешь. Точно. А в снайперы пойдешь? — И, не дожидаясь ответа, зычно крикнул:

— Ковальчук!

Разбрызгивая грязь и одновременно поддегивая полы длинной шинели, к майору подбежал высокий, нескладный человек, который мог бы показаться с первого взгляда очень сутулым. Но это не помешало ему за

несколько шагов до Бородина перейти на строевой шаг и развернуть плечи. Подойдя, он принялся, как и положено, докладывать:

— Товарищ гвардии майор! Старшина Ковальчук...

— Видал? — весело спросил Бородин. — Вот это выстрел! Возьми его к себе. Посмотри, сгодится ли... Мне, сдается, паренек подходящий.

— Слушаюсь! — И старшина сделал якуту знак, который у всех людей означает только одно: «Пойдем со мной!»

2

И они пошли. Старшина впереди, шагая широко и размашисто, а солдатик сзади, причем ему приходилось почти бежать.

Они пришли в овраг. Да-да, в самый настоящий овраг: глубокий, заросший, с крутыми склонами. И что удивительно — овраг этот был обитаем. На склонах вырыто несколько хороших блиндажей, имелась крытая коновязь. Две справных лошади, предусмотрительно стреноженные, мирно щипали негустую осеннюю травку.

— Смотри туда! — скомандовал старшина и показал рукой, куда именно надобно смотреть. Якут посмотрел.

— Мишень видишь? — спросил старшина.

— Вижу.

— Ясно видишь?

— Ну...

— Не «ну», а «так точно».

— Так точно.

— До мишени пятьдесят метров. Ты по мишени когда-нибудь стрелял?

— Не пришлось, однако.

— Эх-ма! Ну, ладно... Попасть надо в середину. У тебя три патрона. — И подал солдату винтовку.

Заметим, что, хотя оружие парню было знакомо, конкретно этой трехлинейки боевого назначения он раньше в руках не держал. Тем не менее, чуть заметно пожав плечами и опять-таки стоя, то есть из самого трудного положения, выстрелил три раза и растерянно оглянулся на старшину. А тот уже смотрел в бинокль на результат стрельбы, и горячая волна радости плеснула ему в лицо. Все три пули лежали в поле десятки. Старшина спрятал бинокль и спросил весело:

— Ты, небось, голодный? Пойдем, поешь, заодно и поговорим!

3

За непривычно щедрым обедом (старшина Ковальчук за этим особенно следил, ибо считал, что солдат должен быть сыт, тогда и воевать ему будет легче), якут выслушал от командира множество интересного.

— Кто я есть? — спросил Ковальчук. — Нет, ты спроси меня, кто я есть? И я тебе отвечу, что аз есмь старшина Ковальчук Арсений Петрович, то есть тот, кто в 1940 году на стрелковых соревнованиях в городе Борисполе на первенстве Киевского Особого Краснознаменного военного округа взял третий приз в упражнении военного стандарта — три положения из винтовки: лежа, с колена и стоя. А ныне я командир снайперской группы в полку нашего доблестного майора Бородина. И имею намерение взять тебя к себе. Но знай, что одной хорошей стрельбы для снай-

пера — очень мало. По счастью, ты — лесной охотник, маскироваться умеешь, двигаться без шума умеешь. Только нужно помнить, что охотиться ты будешь не на глупую белку или на еще какую живность. Охотиться ты будешь... на человека. А он, надо полагать, с мозгами. Кроме того, может случиться, что и за тобой откроют охоту. Так что жизнь твоя будет интересная, это я тебе обещаю. Отдыхать много не дам. Может быть, даже завтра выпущу в паре с кем-нибудь на нейтралку... Поел? Пошли. Хороший солдат на кухне задерживаться не должен.

4

Так началась новая жизнь снайпера Ивана Обухова, который с первого дня стал показывать удивительную сообразительность, силу, ловкость, а главное — весьма точную стрельбу. И уже через неделю Ивана выпустили на «охоту» самостоятельно, а через месяц Арсений Ковальчук особым порядком пригласил якута в свой блиндаж — поговорить секретно.

Разговор начал старшина как бы с пустяков.

— Ты когда на позиции лежишь, по сторонам смотришь?

— Смотрю.

— Линию горизонта на сектора делишь, как я учил?

— Делю.

— А справа за лесом далеко, километров за десять дым замечаешь у немцев?

— Замечаю.

— Ну и что ты об нем думаешь?

— Это не пожар. Он то появляется, то исчезает.

— Правильно. Дальше.

— И это не лес горит. Тогда дым был бы другой.

— Опять попал. Что же это за дым?

— Дрова горят. Сухие. Печной дым, светлый.

— Соображаешь. Мы туда разведку посылали. Знаешь, что там? Баня и прачечная немецкие. Причем капитально устроенные. Немцы там со вшами воюют, ну и вообще, отдыхают трошки. Снимают окопную усталость. И есть у меня одна мыслишка. Они там чувствуют себя вроде как на курорте. Даже музыку крутят. Наши туда лазили, сами слышали. Так вот. Треба с них курортный слой снять. Понял? Туда надо послать человека нашего. Хорошо вооруженного. Скажем, «Дегтярем» с десятком дисков снаряженных. И пусть он там у них наделает переполоху. А после всего — спокойно и со знанием дела уйдет от погони. Понял? Ребята у нас толковые есть, сам понимаешь. Но я так думаю, что выполнить задание это может только один человек.

— Кто? — спросил якут.

— Ты, вот кто! И не потому, что стреляешь хорошо. Другие тоже умеют стрелять. Ты ведь охотник. Стало быть, ходок отменный. Замаскироваться сможешь так, что немцы по тебе пройдут и не заметят. Ведь верно?

— Ну, не знаю...

— Правильно, что не знаешь. Вот сделаешь дело, вернешься, тогда узнаешь. Ты должен понимать, что никакие сигналы твои оттуда мы не увидим. И тебе их подавать никак нельзя. Немцы могут засечь сразу. Поэтому сделаем так: у тебя будет точное время, когда ты должен будешь

рядом с немцами на позицию устроиться. Выбрай метечко повыше, чтоб обзор был. И жди. В нужное время наша артиллерия устроит по этому дому отдыха налет огневой. Чуешь? Немцы выскочат наружу, забегают по территории, станут прятаться в окопы да в щели, а ты в это время кладешь на выбор всех, кого хочешь и сколько хочешь. Понял? — весело спросил старшина.

— Понял. Хорошо получится. Только вот вдруг меня наша артиллерия... того, а?

— Риск, конечно, есть, — со вздохом ответил старшина. — Опять правильно мыслишь. Но ведь интерес-то какой, а? Ведь ты можешь их полсотни там положить. Ну как, согласен?

— Попробовать можно.

— Ты, если о смерти думаешь, — выброси все из головы. О жизни надо думать. На подвиг идешь, понял? Я все оргвопросы уже решил. Время тебе дадим щадящее — ровно сутки. Чтоб дошел без усталости. И чтоб глаза успели отдохнуть. И руки не дрожали. Ну, а когда сделаешь дело, назад выходи к нам. Мы тебе «зеленую тропу» обеспечим. Гарантии полной, конечно, нет, но пошарим добре и мины выберем, сколько сможем. Живой придешь — к награде тебя представлю. У тебя уже медаль «За отвагу» есть, так что следующий — орден может быть.

— Какой? — спросил якут, задохнувшись от радости.

— Ну, на «Знамя» ты не потянешь, а «Звездочку» я тебе обеспечу. «Красную Звезду», значит. Слово даю. Майор обещаю. Ну, давай. До завтрашней ночи отдыхаешь. Мы с тобой мелочи еще кое-какие обмозгуем — и вперед, за славой!

5

Назавтра ночью Якут с объемистым вещмешком за плечами, одетый тепло, но легко, в сопровождении двух саперов выполз на «нейтралку», посреди которой саперы повернули назад, а Якут двинулся вперед. Он очень точно понимал смысл задачи, которую должен был решить: к полудню завтрашнего дня, никак не раньше и не позже, он должен быть готов и находиться поблизости от немецкого военного банно-прачечного заведения. Потому что в двенадцать дня с нашей стороны должен был последовать энергичный огневой налет средствами дивизионной артиллерии. А дальше придется действовать по обстоятельствам. Во всяком случае, он определенно знал, что у него будет минут десять, в течение которых он должен был положить фрицев как можно больше. А когда огневой налет закончится, или даже лучше, чтобы он еще минуту-две продолжался, он, Иван, должен быстренько покинуть свою позицию и — дай Бог ноги — как можно быстрее оттуда уйти. Хорошо, если немцы не сразу хватятся. И у него будет время уйти подальше. Тогда полегче будет. Если же немецкая полевая жандармерия быстро придет в себя и начнет наступать на пятки, то он должен где-то затаиться, переждать, пропустить погоню вперед и далее уже действовать по обстоятельствам. Во всяком случае, немецкий трофейный «вальтер», смазанный и снаряженный, лежал у Ивана в нагрудном кармане телогрейки и предназначался для стрельбы напоследок. Причем, последнюю пулю он должен был использовать для себя.

Такой вышел примерный план операции. Посторонних отягощений Обухов на себе не тащил. Разве что часы наручные и ракетницу с двумя

зелеными ракетами. Их передал ему, прощаясь, старшина Ковальчук. Но погибать Иван не планировал. Он очень хотел вернуться. И проверить, выполнит ли свое обещание насчет ордена товарищ гвардии майор Бородин. Задание он, конечно, не мог не выполнить, об этом и разговору не велось. Но «звездочка» в юном мозгу молодого снайпера сияла, как путеводная звезда. Он думал о ней, когда полз через «нейтралку», думал, когда прошмыгнул передний край немцев чуть ли не под носом у патрулей; думал, когда, зарывшись в неубранную с прошлого года копну сена, наблюдал местность и выбирал точку, с которой будет вести огонь, думал и ночью, когда на небольшом холмике заботливо отрывал для себя огневую ячейку. Причем, немецкие банные бараки были у него на виду, а из репродуктора неслась бодрая песенка на поганом немецком языке в исполнении какой-то фрау-артистки. При этом он бы очень удивился, если бы узнал, что у этой артистки есть имя и что зовут ее Моника Рокк.

Без десяти двенадцать Якут был уже полностью готов к бою. Из окопчика искомый немецкий комбинат чистоты солдатского тела был как на ладони. Сноровисто собравши пулемет Дегтярева, он все остальные снаряженные диски расположил в удобной от себя близости и принялся ждать.

Волновался ли он? Вот уж не знаю. Наверное, волновался, но не о том, как придется стрелять. На этот счет он был совершенно спокоен. Немцы станут выскакивать из барakov в таком виде, что их трудно будет не заметить. Так что положит он их столько, сколько получится. Он волновался о другом. О том, как будет бежать, и уже определенно решил, что если станет совсем плохо — бросит и пулемет и вещмешок. Пистолета ему за глаза хватит. И еще ракетницу бы не обронить. Тоже важно.

6

До сих пор Иван немцев вблизи не видел. Самое близкое — на мушке — далекий размытый силуэт, о котором он точно знал, что пройдет секунда-две, и немец будет убит. Силуэт исчезнет. Навсегда. Для этого он, Иван Обухов, и стрелял в него из винтовки с оптическим прицелом. Но, наблюдая немцев на этот раз из более близкой засады, он поразился сам себе и им тоже. Оказывается, ведь это люди! Вот они приезжают, набившись в кузов огромного грузовика, спрыгивают на землю — веселые, громкогласые, начинают толкаться, хохотать, что-то петь. Чего это вдруг? Какой бес в них вселился? И он понял: бес никакой не вселился. Просто немцы почувствовали себя в безопасности, в ситуации, когда в них не стреляют, когда через полчаса предстоит приятнейшее для солдата мытье с мылом и мочалкой, когда уже готовы к работе свои же товарищи, которых Бог наделил умением стричь отросшие в траншеях рыжие, блондинистые и всякие прочие немецкие волосы. Поэтому-то они и веселились. Но, тем не менее, вся эта толпа немедленно подчинилась — даже не крикам фельдфебелей (немецкий фельдфебель, как понял Иван, кричать не особенно любит), а... свисткам. Серая солдатская масса тотчас понимала и четко выполняла эти звуковые сигналы. Вот тут-то Обухов и уяснил, что немецкое войско — даже здесь, в тылу, в ожидании помывки в бане не перестает быть машиной, механизмом, для которого распространенная человеческая речь большей частью не нужна. Достаточно свистка.

Иван посмотрел на часы. Было без трех минут двенадцать. Сложность для артиллеристов Иван понимал отчетливо. Пристрелки не будет. Все эти *целики* и *трубки* высчитали по таблицам и должны были все снаряды сразу пустить в дело по назначению. Это было сложно. Это было почти невозможно. Но это был единственный способ помочь выполнить задачу, которую должен был решить Иван Обухов: то есть разжечь панику и, пользуясь этой паникой, прицельным огнем из пехотного «Дегтярева» положить здесь немцев как можно больше. Так, чтоб хватило на «Красную Звезду».

Секундная стрелка едва только начала отсчет первой минуты после двенадцати, как брызнул первый снаряд. Во дворе бани уже никого не было. Даже шофер машины ушел мыться вместе со всеми. Но как только брызнул второй снаряд, немцы стали выскакивать из помывочного барака, как ошпаренные: одетые и раздетые метались по двору в поисках укрытия.

И тогда наступило время Ивана Обухова. Сдвинув шапку на затылок, он повел «Дегтярем» слева направо, а потом справа налево. Пули ложились ровно, и немцы падали тоже красиво — группами, кучками по несколько человек. Ситуация для немцев была поистине катастрофическая. Сверху густо падали русские снаряды, и первые секунды уловить, что основная опасность угрожала совсем из другого источника, они никак не могли. А когда догадались — уже ничего не могли сделать. Просто градус паники поднялся до немыслимого: немецкие крики ужаса слились в сплошной рев, и это была самая прекрасная музыка для грубых и непривычных к симфонизмам ушей Ивана Обухова. Он даже не замечал того, что снаряды падали и возле него тоже. Но того, единственного снаряда, того прямого попадания в заботливо вырытый окопчик, так и не последовало. Не нашелся этот снаряд. Может, и не должен был найтись. Ведь это был **наш** снаряд, и было бы с его стороны очень плохой услугой попасть в тот окопчик, из которого вел свою в полном смысле слова призовую стрельбу Иван Обухов.

Однако надо было буквально кожей чувствовать время. И он чувствовал: закончил стрельбу, когда артобстрел еще продолжался. Подхватив «Дегтярев» с начатым диском, Иван быстренько выполз из своего подлинного пулеметного гнезда и... побежал. Бежал он расчетливым средним темпом, определенно зная, что так-то вот сможет пробежать больше, а устать — меньше.

С какой-то минуты он услышал за собой погоню: собак; немедленно спустился в ручей и, надсаживая дух, полез вверх по течению, зная, что ищейки в воде след ни за что не возьмут.

Закончилось все почти благополучно. Почему «почти»? А потому, что уже прямо перед нашими окопами, на нейтральной полосе, Иван вспугнул не выбранную нашими саперами мину. И хотя вовремя рухнул в чапужник, и осколки прошли у него над головой впритирку, один из них попал-таки Ивану в руку. В левую. Выше кисти.

Плохой осколок. Попал так, что руку ниже локтя в госпитале отняли, а самого Ивана комиссовали. Хотя в госпитале он лежал героем. Ему там сам заместитель командира дивизии полковник Шулинский орден «Красной Звезды» и вручил.

А куда ему однорукому, даже и с орденом? Ясное дело, домой. И поехал Иван Обухов в свою Якутию, в село Нерюнгри. Это потом здесь что-то такое геологи нашли, вырос крупный город и все такое. Но как приехал Иван, как назначили его председателем районного «Осоавиахима», так он на этой должности до конца жизни и просидел. После его, правда, в ДОСААФ переименовали. Но Иван — с первого дня детишек стрелять в тире учил. И хорошо у него получалось.

А о своей военной жизни рассказывать не любил. Чего там рассказывать, если три месяца на фронте всего и побыл. И в школы к детям тоже не любил ходить. Почему? А вот почему. Спрашивали его примерно так детишки: «А сколько вы немцев убили?» И он чистосердечно отвечал: «Не знаю». И этим порождал у детей недоуменные размышления: как, мол, так, снайпер — и не знает? Ведь им положено было счет вести строгий! А он действительно не знал. Не знал точно, сколько он немцев в том своем бою уничтожил. Когда вернулся, сказал: «Человек тридцать, а может, и больше».

Такие вот у него были послевоенные сложности с любопытными детишками. Но это с детишками. А в целом — все было как надо. В президиумах сидел безотказно, с достоинством, и орден «Красной Звезды» со своего парадного серого пиджака никогда не снимал.

